

УДК 39; 745

Т.А. Молданова

Изделия народного искусства обских угров: степень сохранности на современном этапе

Аннотация. В статье рассматриваются различные категории изделий народного искусства обских угров в контексте их социальной значимости в традиционной культуре. Прослеживаются причины сохранности и трансформации их формы, основных функций и иных характеристик в современном обществе. Дается оценка современного состояния декоративно-прикладного искусства коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа.

Ключевые слова: народное искусство, обские угры, архаичность, сувенир.

T.A. Moldanova

Goods of folk art of Ob Ugrians: degree of preservation in recent times

Summary. The article discusses various categories of Ob-Ugric people's folk art goods in the context of their social significance in traditional culture. The work traces the causes of preservation and transformation of their forms, main functions and other characteristics in the modern society. The current state of arts and crafts of indigenous people of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug is estimated.

Keywords: folk art, Ob Ugrians, archaism, souvenir.

Народное декоративно-прикладное искусство – один из аспектов культуры. Культура, как известно, в зависимости от подходов к ее рассмотрению, имеет большое количество определений. В том числе ее определяют как искусственную или вторичную реальность, необходимую человеку для выживания, как систему, где каждый элемент культуры функционально значим в контексте данной конкретной общности [1, 41–45].

Сегодня остро стоит проблема сохранения народного искусства, дискутируются такие вопросы, как традиционность, изменчивость, развитие и т.д. Поэтому хотелось бы остановиться на некоторых особенностях функционирования изделий народного декоративно-прикладного искусства обских угров в традиционной среде и степени их сохранности в современных условиях.

Не вызывает сомнения, что культура обских угров относится к типу «архаичных». Следовательно, и в народном искусстве скрыто нечто особенное, не характерное для современного общества. Отметим, что понятие «архаич-

ческий» в контексте народного прикладного искусства рассмотрено П.Р. Гамзатовой [2].

В традиционном обществе различные изделия наделены различным статусом, занимают в мировоззрении народа различные ниши, мной они были названы социализированными, интимными, ритуальными [3, 42].

Социализированные изделия

Через посредство социализированных изделий человек представляет себя, свое мастерство на суд общественности. К этой категории относятся те вещи, которые могут предстать перед взором других людей (средства передвижения, одежда, обувь и т.д.). Здесь на первом месте коммуникативная, эстетическая функция изделия. Например, в этой группе имеются предметы, которые изначально изготавливались с целью их демонстрации окружающим (ёха ванлтáты пáта). Существенно то, что у таких изделий, как правило, имеется «личная» песня, в которой мастер во всех подробностях воспекает свое творение. Благодаря песне изделие «очеловечивается», можно сказать, персонифицируется, практически становится

одушевленной личностью, членом сообщества со своей собственной судьбой. Например, нарта, изготовленная мастером Ефимом из д. Помута, имеет несколько песен. Первоначально ее воспевают сам мастер:

«... С четырьмя нащепами нарточка моя,
С восьмью копыльями нарточка моя,
...

По воде едущие смотрите,

По земле едущие смотрите...» и т.д.

Красота нарты в ее форме. Она ажурная, легкая, воздушная. Ефим добивается такого эффекта сознательно: изготавливает для нарты более тонкие полозья, насаживает на полозья восемь изящных копыльев, нащеп в передней части тонкий, раздвоенный, с изгибом в средней части, конец направлен вверх и т.д. Работа по изготовлению такой нарты требует значительно большего времени, чем для обычной, изделие не совсем практично с точки зрения утилитарности. Но оно показатель высшего мастерства. После естественного износа нарта становится своеобразным экспонатом, хозяин оставляет ее на видном месте, чтобы путники могли ее видеть, а к песне добавляются слова:

«... Вверх едущие многочисленные мужчины,

Вниз едущие многочисленные мужчины
Любуются пусть они...»

В последующем данная нарта появляется в личных песнях других людей:

«... Нарту Ефима из Помута, видел я,
Вот-вот она взлетит,
Вот-вот она полетит...»

Таким способом традиционная культура демонстрировала эталонные изделия, высшую степень мастерства. Выдающиеся мастера также отмечались народом, они имели особый статус: төс хө 'умелый мужчина', хәншәң не 'узорная женщина'.

Места традиционного проживания обских угров, по замечанию Тимофея Молданова¹, это своеобразные музеи вещей. Действительно, изделия никогда не уничтожались физически, им предоставлялось право естественным образом стареть, «умирать». Путники, проезжающие

мимо того или иного стойбища, обычно знали, чьи это изделия, а по их физическому износу судили, как давно они были изготовлены и т.д. Нарта (лодка) сопровождала хозяина в иной мир, их клали на надгробное сооружение. Посещая кладбище, можно увидеть последнюю нарту (лодку) ушедшего из этого мира. Так, через социализированные вещи информация передавалась из поколения в поколение, но в определенной территориальной группе, прежде всего, среди «своих» людей, так как «чужие» бывали здесь не так часто. Не случайно по отношению к особенностям культуры других групп обских угров в народе существует такое понятие, как па ёх ширәт-пишәт «других людей особенности-чудеса» и т.д.

В каждой территориальной группе свои нормы, своя эстетика, свой набор воспетых эталонных изделий, поэтому традиции разных групп редко смешивались друг с другом. Каждый тип изделия в конкретной локальной группе имеет стойкий фольклорный оборот, например, у казымских хантов: «Хориен хәлдум ханшәң сах, воиен хәлдум ханшәң сах» '«Оленями избеганный стал узорным сах, животными избеганный стал узорный сах»', «Сакәңа овпийә кәт ям нир» '«С бисерными краями два славных нира»' «Севум кұка кәт йәм нир» 'Вязаные, из рыбьей кожи два славных нира»' и т.д.

Это некие канонизированные образы вещей для данной локальной группы, типовая форма, поэтому их крой и топография узоров на изделии весьма консервативны. Декорирование изделия уже творчество каждого мастера, отсюда вариативность.

Там, где традиционная культура жива, в этой категории изделий фиксируются процессы изменения, например, одна из тенденций – орнамент на женских суконных саках (восточные ханты, п. Русскинская) начинает заполнять все большие и большие площади, хотя сам крой изделия и топография узора сохраняются. Элементы орнамента становятся несоизмеримо крупными. Та же тенденция переносится на женские меховые шубы (сахи) и глущую меховую одежду мальчиков мехом наружу.

¹ Устное сообщение.

Однако, к сожалению, здесь зачастую фиксируются отхождения от топографии узоров на изделиях. Наблюдаемое явление – стремления к индивидуальности – не всегда удачное. Предположительно, этот процесс связан с влиянием сценической культуры и проводимыми мероприятиями, например, такими как «Этно-мода», «Демонстрация хантыйской (мансийской) одежды» и т.д.

Возможность достаточно быстрого изменения социализированных изделий заложена в самой народной культуре. Девушки нарабатывали технологические навыки изготовления изделий в своей среде, но, выйдя замуж, обязаны были соответствовать требованиям иной локальной группы. После замужества перед взором молодой женщины были уже иные эталоны социализированных изделий, и она перенимала их.

Сегодня, когда мастера из стойбищ все чаще и чаще бывают в поселках и городах, участвуют в выставках, где демонстрируются изделия различных локальных групп, подобная гибкость чревата разрушением канонов народного искусства. Нет общественного мнения, нет воспетых эталонных изделий, нет специалистов, способных направить мастера в нужное русло.

В округе сложилась ситуация, когда стало нормой акцентировать внимание на механическом воспроизведении технологий², но не на художественном достоинстве изделий народного искусства. Складывается своеобразная мода на «экзотические» для округа материалы и технологии (рыбья кожа), на «забытые ремесла» (южно-угорская вышивка) и т.д. Последнее хорошо, если это не в ущерб живому искусству, сохранившему свои духовные пласты. Вероятно, забытое кажется свежим, новым, но оно все-таки мертво с точки зрения жизненности духовной составляющей этих изделий. Эти вещи могут копироваться, обладают безусловным эстетическим началом, вносят разнообразие в наш предметный мир, но где та генная память, которая способна вос-

кресить и развить сущность, заложенную в данном виде народного творчества.

Пагубно для живого народного искусства и то, что вещи (одежда и прочее), стилизованные в контексте той или иной современной моды или сцены, пропагандируются более масштабно и красочно, чем скромные традиционные изделия, сшитые неторопливой рукой мастерицы, а самое опасное, что зачастую именно стилизация и выдается за развитие народного искусства.

Интимные предметы

Личные, интимные вещи (юкан пурмас) наиболее тесно связаны со своими владельцами. В традиционной культуре этими предметами не мог воспользоваться другой человек. Так же, как социализированные изделия, они входят в повседневный быт обских угров. Вследствие этого накапливают память, т.к. с ними связывают те или иные события из жизни человека. Они мифологизируются и со временем все в большей степени фетишируются [4, 46].

Интимные вещи более других связаны с бессознательной частью человеческой психики. В сновидениях они появляются в критические моменты жизни человека и символизируют своего хозяина и его проблемы. В традиционной культуре по этим архетипическим образам толковали многие сновидения и в итоге помогали решать психологические проблемы [5, 150–166]. Образцами для интимных вещей были изделия достаточно узкого круга людей, ближайших родственников. При изготовлении этого типа изделий основной принцип, как пишет В.М. Кулемзин, – «требование вещи», а не желание человека [4, 46]. Человек не мог что-либо изменить, добавить по своему усмотрению, так как это считалось опасным для обладателя вещи, чревато негативными последствиями. Основные символические функции таких изделий – апотропеическая и продуцирующая.

Например, характерным представителем интимных вещей является рукодельная сумочка женщины. Она шилась один раз в жизни, в

² О чем свидетельствуют названия номинаций и подноминаций грантов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры для поддержки проектов, программ, способствующих сохранению, развитию, популяризации фольклора, традиций, языка народных промыслов коренных малочисленных народов Севера.

период, когда девушка готовилась к замужеству. Замужество, как правило, сопровождалось полным разрывом с прежним миром, и только личные вещи переходили с хозяйкой в новую жизнь. В новой семье, с женщинами иного рода, обсуждать возникающие проблемы не принято, поэтому эмоции не выплескивались, и только вещи, хранившие память родного очага, могли выслушать свою хозяйку. А рукодельная сумочка пройдет рядом с женщиной до конца земного пути и станет сопровождать ее в иной мир, она погребается вместе с усопшей.

Интимные вещи и орнамент на них глубоко традиционны и по сей день в этнической культуре сохраняют свою символику. Для примера возьмем продуцирующий узор на рукодельных сумочках северных хантов и манси, который называется «шишка с домом» (хотӓн нохӓр, колыӓ пакв). Узор связан с женской сакральной сферой. Он не был рассчитан на постороннего зрителя, поэтому завешивался ровдужной бахромой, низками бисера, которые назывались «сак кур» (букв.: бисерные ноги). Зная фольклорные обороты, метафоры, семантику, этот узор (как и другие) можно легко прочесть. Существует стойкий фольклорный эпитет «Пев пакки, нохр пакки» «Сосновой шишке (подобные) куклы, кедровой шишке (подобные) куклы». В фольклоре «куклами (богов)» называют людей. Следовательно, «шишка» – символ человека (женщины), а «шишка с домом» – женщина, способная к деторождению, в ней, как в шишке, заложены семена новой жизни [3, 164–166]. Куклы-шишки, изготавливаемые восточными хантами, это всегда женщины [6].

Интимные вещи не выставлялись на всеобщее обозрение, поэтому в каждой семье могли быть свои особенности. Именно по отношению к этим вещам часто приходится слышать: «У нас так не делают». И это верно. Например, на видеопленку мной заснято несколько сюжетов, когда группе женщин, живущих традиционной жизнью (р. Казым), были показаны типовые изделия другой локальной группы

(р. Вах). Изделия подверглись беспощадной критике. Это и есть демонстрация приверженности к узколокальной традиции.

В настоящее время интимные вещи теряют свою функцию, например, те же мешочки в большом количестве можно встретить в музеях. Женские сакральные орнаменты также широко используются в современной стилизованной одежде, в сувенирной продукции, зачастую весьма некорректно. Это можно проиллюстрировать на примере соискателей грантов ХМАО – Югры (2012 год)³. Например, в номинации материальная культура в подноминации «Традиционный костюм – материальное богатство обско-угорских народов» у одного из соискателей на фотографии представлен мальчик в рубашке, на передней части рубахи нашит огромный узор «шишка с домом». И эта самодеятельность подается как развитие традиционного костюма обских угров.

В то же время позитивным является то, что в недрах этнической культуры, т.е. прежде всего там, где сохраняется оленеводство, с интимными вещами существенных трансформаций не происходит. Они воспроизводятся согласно выработанным канонам и, следовательно, сохраняют и свою духовную сущность.

Ритуальные предметы

Известно, что для архаичных культур приущ синкретизм, нерасчлененность всех видов народного искусства. В традиционных обществах были наработаны соответствующие механизмы, поддерживающие эту целостность. Например, такое единство в полной мере сохраняется при проведении медвежьих игрищ и иных ритуальных действий.

Ритуальные предметы, используемые в данной области, связаны с системой религиозных верований и, прежде всего, относятся к мужской сакральной сфере. Все этапы изготовления этих изделий, а также используемый материал, форма, узор, были строго канонизированы. Здесь живая связь между искусством и мифом по сей день полностью не нарушена.

³ Гранты Ханты-Мансийского автономного округа – Югры для поддержки проектов и программ, способствующих сохранению, развитию, популяризации фольклора, традиций, языка, народных промыслов коренных малочисленных народов Севера за 2012 г.

Священные узоры (емау ханши), наносимые на эти изделия, не утратили своего статуса, так как приклады личных (семейных) духов-покровителей – реальность традиционной жизни. Приклады имеются и в квартирах городских хантов и манси. По моим данным, собранным в 2012 году, около 67% городских жителей проводят те или иные элементы традиционных обрядов. Известно, что к общей характеристике священного относится то, что для данного народа они представляют «предельную и абсолютную ценность и смысл жизни» [7, 341]. В традиционной культуре доступ к ритуальным предметам был строго ограничен, по этой причине они сохраняли свои символические функции, поднимали человека над обыденностью, наполняли жизнь высшим смыслом.

Сегодня ритуальные предметы имеются в музейных коллекциях, например, в г. Ханты-Мансийске, и открыто экспонируются, т.е. десакрализируются. Этот процесс вызывает неоднозначную реакцию у представителей обских угров, в той или иной мере связанных с традиционными ценностями. Отметим, что вопрос архетипического воздействия искусства, архетипические эмоциональные реакции на формально-образные построения в сфере интересов искусствоведов и исследователей других наук [2, 8–15].

Предметы религиозного культа не сдавались в музеи добровольно. Большая их часть была изъята во времена борьбы с религией и часто увозилась вместе со своим хозяином, что запечатлела народная память. Поэтому экспонирование предметов из этой категории вещей, как показывает реакция на проведенные выставки у многих представителей обских угров, порождает каскад эмоций, связанный с актуализацией негативной народной памяти, это, прежде всего, напоминание о поругании святынь, игнорировании чужих ценностей.

Сегодня священные узоры опубликованы, с коммерческой целью широко применяются в сувенирной продукции. Следовательно, орнамент отделяется от среды бытования, теряет свою наиважнейшую духовную функцию. А одной из главных функций архаичного искусства являлась «борьба с хаосом», «упоря-

дочивание космоса», а в конечном счете – конструирование и гармонизация психики самого человека [8, 9].

В настоящее время предметы и узоры из сакральной сферы с той же коммерческой целью изготавливают и сами представители обских угров, вышедшие из традиционной среды, выросшие в городах, и т.д. Для них данная сфера уже не является сакральной. Следовательно, ретрансляция духовной составляющей в данном случае прервалась.

Безусловно, жизнь меняется, но пока живы островки традиционной культуры, пока воспроизводится духовная культура, конфликт ценностей, скрытый или явный, неизбежен. С одной стороны, вещь (музейный экспонат, сувенир) – товар, который необходимо реализовать, и с этой целью представить его в выгодном для потребителя свете, с другой стороны – вещь (ритуальная) – это сфера запретная, сакральная.

Доказательством данного утверждения являются ответы на один из вопросов анкетирования, проведенного мной год назад и касающегося содержания музейных экспозиций и экскурсий, связанных с обскими уграми. Из 60 опрошенных хантов 90% имеют претензии к содержанию подачи материала: «оголяют сакральное», «погоня за зрелищностью», «неверная трактовка фактов», «сплошные стереотипы», «о нас говорят в прошедшем времени» и т.д. Здесь проблема в том, что культура обских угров не просто архаика, но живая архаика, ее сакральные элементы в той или иной степени воспроизводятся в традиционной среде и архетипически воздействуют даже на некоторых выходцев из этой культуры, живущих современной жизнью и, казалось бы, далеких от жизни предков.

Сувенирная продукция

В настоящее время в гуще народной культуры обских угров появилась четвертая группа изделий – изделия, изготавливаемые для реализации в инокультурной среде (туристы, городские жители и т.д.), то, что сегодня называют сувениром.

Известно, что сувенирная продукция, как таковая, – это особая самостоятельная область коммерческой, но не традиционной культуры,

с собственной теорией и практикой [9; 10; 11 и др.]. Безусловно, здесь могут и, вероятно, должны использоваться те или иные элементы народной культуры, это вопросы компетенции специалистов данной области. Мы же обращаемся к сувенирной продукции только в контексте ее влияния на народное искусство обских угров.

В настоящее время у носителей традиционной культуры отношение к вещам для продажи не выработано, искусство хантов и манси не было ориентировано на рынок, поэтому эти изделия изначально отчуждены от человека. Это наглядно демонстрируют беседы с народными мастерами по поводу таких изделий. На вопрос «Почему так изготовлено?» имеются в виду не только нарушения канонов искусства, но и небрежность изготовления сувениров. Характерные ответы: «Для продажи» (П.Г., 48 л.), «Для скорости» (Д.А., 59 л.), «Вдруг купят, может быть, в деньги превратятся» (А.Е., 70 л.). Ответы показывают, что рынок и его потребности не осознаются мастерами, они в них не ориентируются. Стараясь заработать, что очень понятно, носители традиций начинают полностью пренебрегать всеми канонами искусства.

В то же время известно, что подлинные, высокохудожественные изделия также могут быть сувенирами. Мастера, длительное время проживающие в городе, направляемые специалистами в соответствующее русло, это хорошо понимают, о чем могут свидетельствовать, например, куклы-закрутки народного мастера З.Н. Лозямовой. Изготавливая изделия в качестве сувениров, они не отходят от традиции.

Однако сегодня преобладает иная ситуация, на выставках-ярмарках мастеров, которые преподносятся как сохранение и развитие народного искусства, рядом с единичными подлинными изделиями возлежит масса вещей, которые без натяжки можно отнести к кичу. В этих кричащих изделиях из контекста народного искусства выхвачены наиболее яркие, экстравагантные элементы, преобразованные соответствующим образом. О художественной ценности не может быть и речи. Данный факт ярко демонстрируют ярмарки, проводимые в п. Русскинские и в других регионах, в среде с живой народной культурой. Пространство Югры все в большей степени заполняется сувенирной продукцией крайне низкого качества. И эта псевдокультура, к сожалению, становится ориентиром для мастеров, калечит их вкус и в конечном счете разрушает их как носителей культуры.

Таким образом, можно констатировать, что народное искусство обских угров, как и культура в целом, в очередной раз попала под пресс истории: борьба с религией, нефтяная экспансия, а теперь туристический рынок, требующий зрелищности, экзотики. В условиях городской среды произошла подмена народного искусства сувенирной продукцией. В масштабе округа искусство потребляется, но не воспроизводится. Отсутствие квалифицированных специалистов в области народного искусства обских угров в этих условиях ведет к потере ориентиров народными мастерами. Подлинное искусство воссоздается только на сохранившихся островках традиционной жизни, прежде всего, связанных с оленеводством, что еще раз показывает, что народное искусство архаично, и, следовательно, неотделимо от фольклорных традиций и языка.

Литература

1. Малиновский Б. Научная теория культуры / Бронислав Малиновский; пер. с англ. И.В. Утехина; сост. и вступ. ст. А.К. Байбурина. 2-е изд., испр. М.: ОГИ, 2005.
2. Гамзатова П.Р. Архаические традиции в народном прикладном искусстве: К проблеме культурного архетипа. Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2012.
3. Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999.

4. Мифология хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 310 с. (Энциклопедия уральских мифологий. Т. III).
5. Молданова Т.А. Архетипы в мире сновидений хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.
6. Сказки и куклы нёрум-ях / сост. Т.А. Исаева и О.В. Стародубова; перевод с языка ханты О.И. Щербак-кова, пер. на английский Е.В. Рогачева; Сургутский краеведческий музей. Тюмень: Мандр и К^а, 2006. 128 с.
7. Самыгин С.И., Нечипуренко В.Н., Полонская И.Н. Религиоведение: социология и психология религии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
8. Топоров В.Н. Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.
9. Орловский Э.И. Сувениры. М.: Экономика, 1974. 183 с.
10. Бардина Р.А. Изделия народных художественных промыслов и сувениры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1977. 312 с.
11. Сауков Г.Н. Сувенирная продукция в туризме (региональный аспект) // Туризм в социокультурном пространстве Тюменского региона / Научн. ред. Л.Н. Захарова. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2006. С. 105–120.

References

1. Malinovskiy B. Nauchnaya teoriya kultury / Bronislav Malinovskiy; per. s angl. I.V. Utekhina; sost. i vstup. st. A.K. Bayburina. 2-e izd., ispr. M.: OGI, 2005.
2. Gamzatova P.R. Arkhaicheskiye traditsii v narodnom prikladnom iskusstve: K probleme kulturnogo arkheta. Izd. 2-e, dop. M.: Knizhnyy dom «LIBRIKOM», 2012.
3. Moldanova T.A. Ornament khantov Kazymского Priobya: semantika, mifologiya, genezis. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1999.
4. Mifologiya khantov. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2000. 310 s. (Entsiklopediya uralskikh mifologiy. T. III).
5. Moldanova T.A. Arkhetipy v mire snovideniy khantov. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2001.
6. Skazki i kukly nerum-yakh / sost. T.A. Isayeva i O.V. Starodubova; perevod s yazyka khanty O.I. Shcherbakova, per. na angliyskiy Ye.V. Rogacheva; Surgutskiy krayevedcheskiy muzey. Tyumen: Mandr i Ka, 2006. 128s.
7. Samygin S.I., Nechipurenko V.N., Polonskaya I.N. Religiovedeniye: sotsiologiya i psikhologiya religii. Rostov-na-Donu: Feniks, 1996.
8. Toporov V.N. Arkhaicheskiy ritual v folklornykh i ranneliteraturnykh pamyatnikakh. M., 1988.
9. Orlovskiy E.I. Suveniry. M.: Ekonomika, 1974. 183 s.
10. Bardina R.A. Izdeliya narodnykh khudozhestvennykh promyslov i souveniry. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Vysshaya shkola, 1977. 312 s.
11. Saukov G.N. Suvenirnaya produktsiya v turizme (regionalnyy aspekt) // Turizm v sotsiokulturnom prostranstve Tyumenskogo regiona / Nauchn. red. L.N. Zakharova. Tyumen: Izdatelstvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2006. S. 105–120.